

Ф. И. Булгаков

**Из общественной  
и литературной  
ЖИЗНИ...**



Федор Булгаков

**Из общественной  
и литературной жизни Запада**

«Public Domain»

1893

## **Булгаков Ф. И.**

Из общественной и литературной жизни Запада /  
Ф. И. Булгаков — «Public Domain», 1893

«„Вслед за Ренаном Тэн!“ Такое сопоставление двух имен в некрологах французской печати, посвященных памяти недавно скончавшегося Тэна, ясно показывает, что он не уступает знаменитому Ренану в значении, как блестящий писатель Франции, как художник слова, как ученый исследователь и мыслитель. Разница между ними та, что Ренан считался выразителем идеальной и спиритуалистической стороны французского ума XIX века, а Тэн с не меньшей оригинальностью и блеском – выразителем его материалистической и скептической стороны...»

# Содержание

1	5
2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Ф. И. Булгаков

## Из общественной и литературной жизни Запада

### 1

Ренан и Тэн. – Биография Тэна. – Его позитивизм, пессимизм и аристократизм. – «Маленький лорд Бэкон». – «Ахиллесова пята» Тэна-историка. – Противоречие в исследовании о Наполеоне I. – Заслуга Тэна относительно критики французской революции. – Тэновский метод литературной критики. – Анатоль Франс о теории «среды». – Новейшее мракобесие. – О медиумических опытах Евзании Паладино. – Разоблачение их Торелли. – Протокол 17 медиумических сеансов, подписанный семью учеными. – Может ли наука исследовать все? – Заразительность эпидемии суеверий. – Стэд – главный апостол мистицизма в Англии. – Прорыв цветение спекуляции мистицизмом в Лондоне. – Обещаемая газета с телеграммами духов. – Газета-телефон в Будапеште. – Английский богослов о прелестях ада. – Дарвинистская теория ада. – Рекламы в Англии. – Сетования «Times» на их рекламное бесчинство. – Воздушные и огненные рекламы. – Художественные рекламы. – Интересный найденыш. – Пьеса Жюль Леметра из театральных нравов.

«Вслед за Ренаном Тэн!» Такое сопоставление двух имен в некрологах французской печати, посвященных памяти недавно скончавшегося Тэна, ясно показывает, что он не уступает знаменитому Ренану в значении, как блестящий писатель Франции, как художник слова, как ученый исследователь и мыслитель. Разница между ними та, что Ренан считался выразителем идеальной и спиритуалистической стороны французского ума XIX века, а Тэн с не меньшей оригинальностью и блеском – выразителем его материалистической и скептической стороны. Тэн<sup>1</sup> был позитивистом чистой воды, без малейшей примеси мистицизма, что теперь редко встречается во Франции. Он верил только в факты и в те выводы, к каким могло привести терпеливое и методичное наблюдение их. Только любовь к факту и культ знания, культ,

---

<sup>1</sup> Тэн родился 21-го апреля 1828 г. в Вувье, в департаменте Арден, учился в парижской «École normale», затем был преподавателем в разных провинциальных лицеях, но вследствие независимости своих взглядов не ладил с начальством и, бросив преподавательскую деятельность, переселился в Париж, где начал свою литературную карьеру в «Revue de l'instruction publique». Фирма Гашер, издававшая этот педагогический журнал, поручила ему составить путеводитель по Пиренеям, а он написал «Voyage aux Pyrénées» – книгу, обратившую общее внимание на его литературное дарование. Затем он занялся изучением философии. В результате этого изучения в 1856 г. явилась книга, вызвавшая сенсацию в философском кругу Франции, «Les Philosophes français du XIX siècle». С тех пор, ежегодно печатались этюды Тэна по философии, критике и истории. В 1862 г. его «Histoire de la littérature anglaise» произвела целую бурю в лагере спиритуалистов. Несмотря на высокие научные достоинства этого труда, французская академия не увенчала его премией в виду протестов клерикалов. Как бы в вознаграждение за это Тэн, при содействии Наполеона III, получил профессуру истории искусств в «École des beaux-arts». К этому периоду относятся замечательные труды Тэна по искусству: «Philosophie de l'art en Italie» и «Voyage en Italie», «Idéal dans l'art» (это – собрание его лекций в «École des beaux-arts»), «L'art dans les Pays-bas», «L'art en Grèce». За этими трудами последовало опять возвращение к философским занятиям в монографии «De l'Intelligence», а четыре года спустя – в 1874 г. – появилась его «Contre le suffrage universel». В 1875 г. вышел первый том капитальнейшего исторического исследования Тэна «Les Origines de la France contemporaine». Тут был начисто осужден «старый режим» Франции: жизнь распутного дворянства обрисована в ярких красках. Следующие три тома («L'anarchie», «La Conquête Jacobine» и «Les Gouvernements révolutionnaires») посвящены исследованию истории французской революции. Автор пользуется здесь огромным материалом, документальным и архивным, из всевозможных библиотек. Из литературы касательно революции едва ли что-нибудь ускользнуло от внимания Тэна. Главная заслуга его в том, что он впервые низвел до человеческих пропорций «божественную» легенду революции, и с тех пор началась настоящая расчистка поля исследования этого предмета. С 1878 г. Тэн заседал в числе сорока «бессмертных» французской академии. В 1890 г. издан и первый том второго отдела «Les Origines», носящего название «La France moderne». В этом томе охарактеризован Наполеон I и его режим. Оставалось обрисовать «Новейшую Францию», вышедшую из этого режима, и на это предназначался последний том «Les Origines», который должен был выйти через три месяца, но смерть прервала изумительно труженическую жизнь Тэна.

впрочем, без веры в непогрешимость знания и в всемогущество его, вдохновляли этого писателя. Такой позитивизм останавливается у порога всего таинственного и признает себя просто неспособным проникать в неразгаданные тайны. Тут нет ни враждебности к таинственности, ни равнодушие. Это скорее уважение перед неведомым, нежели боязнь его.

Как моралист, Тэн был тем, что обыкновенно именуется пессимистом, т. е. он считал человека дурным и почти неспособным к добру. Человек для него всегда был «гориллой кровавым и похотливым» или, точнее, никогда не может избавиться от свойств природы первобытного хищника.

В политике Тэн был аристократом, как это и подобает ожидать от пессимиста, мизантропа и поклонника английской культуры. В данном случае он признавал такую доктрину, что в силу наследственности народ есть организм и вследствие цивилизации организм весьма сложный. А к сложным организмам, будь то машины, животные или народы, применяется закон разделения труда. Самое низшее животное обладает лишь одним органом для пищеварения, для мышления и развлечения. Высшее животное имеет много способностей и столько же органов, сколько способностей, без этого оно не могло бы существовать. Разделение труда в обществах называется специальностью или компетентностью. И так, чем значительнее народ и чем многосложнее его состав, тем более каждый составной элемент в нем должен знать, что ему делать, и делать только то, что ему надлежит. Проще сказать, от каждой отрасли труда следует строго требовать возможно больше компетентности. Стало быть, предоставлять законодательство в распоряжение тех, кто умеет делать только обувь, неблагоприятно. А так как демократия сводится к тому, чтоб ставить законодателей в зависимость от тех, кто умеет делать только обувь, и заменять многочисленные колеса одним единственным колесом или, по крайней мере, многочисленные колеса ставить в такую зависимость от универсального колеса, что они всецело поглощаются им, то демократизм является бессмыслицей. Автор «*Les Origines de la France contemporaine*» старался доказать это фактически, считая, что деспотизм и анархия одно и то же, т. е. одно и то же «импульсивность одного мозга», который не признает для себя никаких резонансов, или импульсивность коллективного мозга, который неведомо куда увлекается инстинктами и не размышляющей душой толпы.

\* \* \*

Ипполит Тэн был весьма разносторонне одаренной натурой и серьезно изучал такие области, которые не имели связи с его прямой специальностью – историей. Роберт де-Боньер в воспоминаниях о нем не безосновательно называет его «маленьким лордом Бэконом, который для своей специальности пользовался всеми отраслями человеческого знания и ум которого живо интересовался самыми разнородными предметами». Раньше, чем приняться за свой исторический труд «*Les Origines de la France contemporaine*», Тэн уже приобрел себе известность, как филолог, философ, эстетик, историк искусства и литературы, наконец, как мастер по части художественных путевых описаний. Уже тогда он пользовался большим авторитетом глубокого и остроумного критика и независимого мыслителя, который, не взирая на благосклонность или неблагоприятие литературного цеха и общественного мнения, не заботясь о выгодах для своего материального положения, без малейших следов амбиции высказывал то, что считал за правду. Насколько Ренан иронизировал над самим собой, когда ему приходилось излагать результаты своих занятий, настолько же Тэн неизменно старался оставаться борцом за свои воззрения.

Эта-то самоуверенность относительно непогрешимости результатов его исследований, самоуверенность, несвободная от догматического усердия, и была «Ахиллесовой пятой» историка Тэна. Отсюда и вытекали противоречия между его методом исторического исследования и его практическим применением, обнаружившиеся ярко в «*Les Origines de la France*

contemporaine». Его метод был собственно индуктивный, реалистический, долженствующий исследовать каждый объект без предвзятых мнений и не обращая внимания на заключительные выводы, какие логически могут получиться из сделанных наблюдений. Но «маленькому лорду Бэкону» не суждено было провести с строгой последовательностью эту систему. Реалистический историк, сторонник индуктивного метода, не мог отделаться от свойств философа, раньше занимавшегося метафизическими исследованиями, и у Тэна постоянно попадаются положения чисто априористические. Поэтому и его остроумные парадоксы зачастую вызывают возражение.

Вот, например, он задумал объяснить характер Наполеона Великого из корсиканской среды его юности, из разбойничьих традиций его фамилии, из тосканского происхождения её и из общественной и духовной атмосферы Корсики, где нравы и воззрения XIV века оставались нетронутыми позднейшей культурой вплоть до французского завоевания этого острова. Он и охарактеризовал Наполеона Бонапарта, как последнего из итальянских кондотьеры и тиранов раннего периода Возрождения, но при изложении истории Наполеоновского режима знаменитый историк впал в противоречие с самим собой, блистательно обрисовав первого консула и первого императора французов, как водворителя общественного и государственного порядка во Франции, как величайшего государственного человека. Очевидно, тут факты, отысканные Тэном и добросовестно поведенные им, сами собой пришли в противоречие с заранее построенным отвлеченным образом героя.

Этому историку-реалисту, когда он брался за перо, очевидно ничто не было свято, за исключением только того, что он сам считал за истину. Он как бы не признает никакого величия французской славы, никакого идеального завоевания, не верит в то, что уже одно желание народа иметь своих великих героев есть нечто хорошее. Тем более беспощаден Тэн относительно исторических легенд. Деятели французской революции выставлены им с фотографической точностью во всей своей наготе без малейшего прикрытия фиговым листком, с их алчностью, кровожадностью и хищничеством. Правда, и раньше «Les Origines» делались попытки отнестись критически к революции, но только трудам Тэна удалось оказать решительное влияние на перемену во взглядах относительно этой эпохи.

\* \* \*

Реалистическая школа в литературе Франции не без основания опиралась на Тэна, на его эстетические и критические этюды. Именно он подорвал значение романтического направления, в годы его молодости господствовавшего во Франции, и старался доказать, что только мир действительности должен быть предметом всякого художественного творчества, что поэт должен черпать свои создания из этого мира, что средой определяется образование и развитие характера и рядом с средой в настоящем решающее значение имеет прошлое семьи и класса общества, из которых вышел индивидуум. Как естествознание объясняет развитие всего влияниями окружающих условий, климата, местных особенностей и способа питания, так и Тэну прежде всего требовалось исследовать, из какой расы вышел такой-то *икс*, в какое время он рос и какое направление было тогда, каким влияниям подвергался этот *икс* от окружающих условий, личных и общественных. Затем он искал решения более мелких вопросов в письмах и архивах. По происхождению, по времени и среде он заключал о сущности *икса*, по внешним моментам и влиянию их судил о внутреннем содержании. Эту мерку он прилагал к поэтам, художественным произведениям и целым эпохам.

По этой теории писатели классифицировались лишь как выразители общества, расы, среды. По замечанию одного выдающегося из новейших французских критиков (Эмиля Фаге) выходит отсюда, что не *писатели* участвуют в сочинении книг гораздо более, чем их авторы, и Корнель, напр., выражает мысль своих добрых соседей гораздо более, чем свою собствен-

ную. С этой точки зрения на писателя лишь как на точный исторический документ, как на точное выражение духа времени, в «Petit Journal» вернее искать свидетельства о состоянии души французского народа 1890 г., нежели у Тэна или Ренана. Ведь писатели этой широко распространенной газетки для историка могут служить самыми ценными выразителями интеллектуального состояния новейшей Франции, и если теория Тэна верна, то помянутые писатели суть настоящие французские авторы XIX века, достойные того, чтоб их изучать.

К счастью, сам Тэн практически не следовал своему методу. Он применял его как раз наоборот. Он брал знаменитых авторов, которые блистали просто потому, что обладали гением, основательно изучал их и по ним-то старался воскресить дух их времени. И тут уже не трудно было показать, что они-то и были настоящими выразителями этого духа времени. Иначе сказать, Тэн сперва составлял себе верную идею об известном авторе и потом более или менее прилаживал к ней дух времени. Весьма понятно, что от этого страдал иногда «дух времени»; случалось и то, что критик, желавший быть только историком, сочинял плохие исторические страницы, потому что оставался хорошим критиком, и образцовых страниц по части критики у Тэна целые сотни.

Тэн в конце 50-х и начале 60-х гг. имел очень большое влияние на литературную молодежь во Франции, гораздо большее, чем Ренан, который не так легко поддавался усвоению. Влияние Дарвина и Спенсера пришло во Францию лишь после влияния Тэна. Новое поколение удаляется от этого направления и старается создать «новую метафизику», открыть двери сверхчувственному. Анатолий Франс, превосходный критик из среды той молодежи, которая некогда увлекалась Тэном, сознается, что тогда он еще не знал, что всякие теории, искусно сочиненные, одинаково хороши в таком же смысле, как этажерки, необходимые для размещения фактов по отделам. А этажерки Тэна к тому же сделаны были превосходным мастером.

«Великая философская истина походит на градусы долготы и широты, обозначенные на картах. Они с точностью определяют положение всех пунктов земного шара. В шесть лет, – говорит Франс, – когда я увидел первую карту земного шара, я думал, что линии, там начерченные, соответствуют осязательной действительности. Во время своих прогулок в Тюльери я отыскивал их и не находил. Это было мое первое разочарование в научном отношении. Идея, что теория среды не может быть безусловно верной, была вторым или третьим таким же разочарованием».

Таким образом ни эрудиция Тэна, ни масса фактов, собиравшихся им, не упрочила его метода, и насмешки над этим позитивистским, серьезно-научным, детерминистским методом оказались для него гораздо важнее и серьезнее, чем глупая злоба оскорбленного партийного гонора на мнимого «реакционера». Новейшее литературное поколение отвернулось от доктрин «английской школы» Тэна и стало прислушиваться к голосу других руководителей.

\* \* \*

Один из характерных признаков новых «веяний» – возвращение к спиритуализму, так горько осмеянному Тэном в лице французского философа Виктора Кузена (в книге «Philosophes français»), смутная склонность к мистицизму. Но вместе с этой склонностью к мистицизму водворяется и суеверие совсем не хуже того, что было тысячу лет назад. Очевидно, мракобесие, неотступно следующее за человеческим родом по всей его истории, как зловещая тень, только меняет методы своего владычества. Прежде суеверие и глупость пользовались для своих целей народными массами. Теперь, когда и толпа стала образованнее и разумнее, чем прежде, мракобесие заигрывает с самой наукой и, под маской научного исследования, начинает пленять даже ученых. И посмотрите, сколько обретается у него прозелитов. За ним бегут следом, как за новым крысоловом, безрассудно опьяняются опиумом его мистики, изучают всякие бессмысленные причуды его страшно разросшейся литературы

и все это покрывают мантией научного авторитета. То какой-нибудь факир интересует ученых. То почтеннейшая мисс Аббот смущает легковверных физиков своими фокусами. То даже в ученых обществах поднимаются толки об экспериментах профессора Рише в Париже, профессора, который обладает таким мужеством, что утверждает, будто бы существуют люди, которые одним мышлением и волей могут оказывать определенное влияние на других людей, живущих вдали. А вот теперь всплыла на поверхность необыкновенная женщина-медиум. Об опытах её в Милане в присутствии ученых напечатан официальный отчет в лейб-органе спиритов, издаваемом в Лейпциге и Нью-Йорке нашим соотечественником «статским советником» Александром Аксаковым, под названием «Psychische Studien».

Дело в том, что в Италии проживает таинственная синьора Евзания Паладино. Она чувствует в себе все задатки медиума, могущего находиться в сношении с миром духов. И уже давно она кружит головы своим соотечественникам. Импресарио её – сеньор Эрколе Бианя. Эта-та женщина (из неаполитанских крестьянок), кажется, и обладает вышеупомянутой открытой Рише способностью к влиянию на дальние расстояния. Знаменитый туринский профессор психиатрии Ломброзо уже посвятился в кунштюки сеньоры и стал спиритом. Это не могло не произвести сенсацию в научном мире. И вдруг, как бомба, ворвалась в этот спор статья Торелли-Виоллье, издателя консервативного органа «Corriere délia sera». Торелли утверждает, что он сам сперва был обманут медиумом Евзанией, но потом разоблачил эту даму и, графически показав в своей газете, в чем заключался фокус медиума, объявил, что он обязуется уплатить 3.000 франков, если медиум сумеет доказать хоть одно из своих чудес в присутствии врачебной комиссии, в которой половина членов должна быть избрана им самим. Медиум не согласился на такое предложение.

\* \* \*

Но в конце концов мракобесие взяло верх. В Via monte di Pieta, в Милане, стоит дом сеньора Джорджио Финци, «доктора физики». Туда-то Кианя привез своего медиума, сеньору Паладино, и, по приглашению г. Аксакова, явились семь ученых из Италии, Германии и Франции, с целью научно исследовать спиритические штуки Евзании Паладино и К°.

И теперь толки о Паладино и о «необычайных феноменах», имевших место, благодаря медиумическим опытам, перешли уже за пределы Италии. Протоколы 17 медиумических сеансов в Милане подписаны именами следующих присутствовавших на заседаниях лиц: *Александр Аксаков*, редактор газеты «Psychische Studien» в Лейпциге; *Цезаре Ломброзо*, профессор медицинского факультета в Турине; *Джиованни Скиапарелли*, директор астрономической обсерватории в Милане; *Карл дю-Прел*, доктор философии в Баварии; *Анжело Брофферрио*, профессор философии; *Эрмагора*, доктор физики; *Джероза*, профессор физики в земледельческой академии в Портичи; *Финци*, доктор физики; *Шарль Ригне*, профессор медицинского факультета в Париже, известный ученый физиолог и редактор «Revue Scientifique».

Сеансы эти происходили в Милане, между 9 час. веч. и 12 ч. Собранные наблюдения касаются троякого рода феноменов: 1) тех, которые производились при свете; 2) тех, которые получены были в потемках; 3) феноменов, до сих пор происходивших лишь в темноте, а у Финци полученных при свете, когда медиум был на виду у всех.

Феномены первой категории довольно заурядны. Сюда относятся: боковое поднятие стола, от прикосновения рук медиума, сидящего на одном из более коротких концов его; полные поднятие стола; изменения веса тела медиума, помещавшегося на одной из чашек весов; произвольное движение предметов; колебание стола без всякого к нему прикосновения, удары и появление звуков в столе.

Феномены второй категории точно также небезызвестны. Сюда относятся: перемещение на столе медиума вместе со стулом, на котором он сидит, шум, производимый хлопаньем рук

одна о другую, прикосновения таинственной руки к платью присутствовавших, производившие на последних впечатление прикосновения теплой, живой руки, появление одной или двух рук, в виде очертаний на фосфорической бумаге или на слабо освещенном окне.

Феномены третьей категории, согласно показаниям ученых, присутствовавших при их совершении, до сих пор оставались вполне неизвестными. Засвидетельствование этих-то феноменов учеными, имена которых приведены выше, и возбудило всюду интерес к медиумическим опытам Евзании.

Усыпление Евзании Паладино произведено было Эрколе Кианя, её импресарио. Для того, чтобы та часть комнаты, где находились присутствовавшие, осталась темною, комната была разделена занавесом. Затем медиума посадили перед занавесом, против проделанного в занавесе отверстия, спиной в неосвещенной части комнаты, тогда как руки и кисти рук Евзании, а также лицо оставались освещенными. Позади занавеса поставили маленький стулик с колокольчиком, на расстоянии около полуметра от медиума. Наконец, на другом стуле, несколько далее, поместили сосуд с мокрой глиной, поверхность которой была совершенно гладкая.

К освещенной части присутствовавшие заняли места кругом стола, помещенного перед медиумом. Руки Евзании не выпускались из рук двух её соседей – Скиаппарелли и Карла дю-Преля. Комната, сперва освещавшаяся всего одной свечей, через минуту осветилась стеклянным фонарем с красными стеклами, поставленным на втором столе.

Евзания подвергалась таким условиям впервые.

Во избежание какой-либо неточности в передаче наблюдавшегося на этом сеансе приведем самый протокол, подписанный доктором Рише, Ломброзо и поименованными выше учеными.

«Феномены, – говорится в этом примечательном документе, – появились немедленно, даже при освещении одной свечкой. Занавесь стала вздуваться на нас. Когда же соседи медиума приложили руки в материи, то ощутили сопротивление, один из них почувствовал, как стул его сильно рванули. Затем раздались пять ударов в занавесь, что обозначало требование более сильного освещения, тогда мы зажгли красный фонарь и надели на него красный абажур. Вскоре, однако, мы могли снять этот абажур и даже поставит фонарь на наш стол перед медиумом. складки отверстия занавеси были укреплены по углам стола. По желанию медиума, они были переложены на её голове и прикреплены поверх булавок. После этого на голове медиума начались какие-то явления, повторявшиеся по несколько раз. Аксаков встал, просунул свою руку в отверстие занавеси, поверх головы медиума и объявил, что в руке его прикасаются чьи-то пальцы, затем руку его схватили сквозь занавесь, наконец, он почувствовал, что ему что-то сунули в руку. То был маленький стул. Он взял стул, потом от него снова отняли стул, и последний свалился на пол. Все присутствовавшие поочередно клали руки поверх занавеси и чувствовали прикосновение рук. На темном фоне отверстия на голове медиума несколько раз появлялись огоньки.

Скиаппарелли сильно толкнули через занавесь в спину и в бок. Голова его покрылась занавесью и была втянута в темную часть, причем он продолжал левой своей рукой держать за руку медиума, а правой – Финци. В этом положении он чувствовал прикосновение голых и теплых пальцев и видел огоньки, описывавшие круги в воздухе и несколько освещавшие руку и тело, которые его перемещали. Затем он снова занял свое место, после чего в отверстии стала появляться рука, не торопясь скрываться, и таким образом ее можно было разглядеть довольно ясно. Медиум, не видевший никогда ничего подобного, подняла голову, чтобы поглядеть, и рука немедленно прикоснулась к лицу Евзании. Не оставляя руки медиума, Карл дю-Прель ввел свою голову в отверстие поверх головы медиума, и сейчас же почувствовал сильное прикосновение к различным частям тела и к нескольким пальцам. Между двумя головами опять показалась рука.

Дю-Прель снова сел на свое место. Аксаков подал карандаш в отверстие. Карандаш был схвачен, а затем снова выброшен через занавесь на стол. Один раз над головой медиума появился сжатый кулак, который медленно раскрылся и показал нам открытую руку с раздельными пальцами. Рука эта появлялась столько раз и столько раз трогалась нами, что сомневаться более было немислимо. То была действительно человеческая и живая рука, до которой можно было дотронуться.

В конце сеанса дю-Прель сообщил нам об отпечатке на глине, на которой действительно ясно была видна форма правой руки. Это послужило нам объяснением, почему данный кусок глины был брошен на стол через отверстие в занавеси, в конце сеанса, как очевидное доказательство, что мы не были подвержены обману чувств.

Факты эти повторялись несколько раз в той же форме. Для большей уверенности к левой руке медиума привязали эластичный шнурок, связывавший ей отдельно пальцы и дававший возможность наблюдать, какой рукой Евзания держала каждого из своих соседей.

Явления неизменно совершались также и при строгом и бдительном контроле Скиаппарелли и Шарля Рише».

\* \* \*

Какое заключение можно вывести из всех этих фактов, когда они подтверждены собранием таких почтенных лиц? Прежде всего удивительно, что спиритическое царство духов состоит все из каких-то глупых голов: ни одной разумной мысли не услышишь от них, и только какие-то ребяческие проделки. И тем не менее знаменитый астроном, три физика, два философа и два физиолога, готовы принести в жертву все сокровище своих научных познаний, чтоб удостоверить сверхъестественную способность какой-то женщины или девицы Евзания, заставляющей «духов» производить эти проделки.

Кажется, во всем этом деле заключается одна принципиальная ошибка, именно – вера в то, что наука должна исследовать все, потому что это, мол, соответствует её характеру объективности. Такое мнение фальшиво в самой основе своей. Есть вещи, от которых отрекается разум. Ведь ни один настоящий натуралист не станет помышлять о том, возможно-ли, что солнце вдруг начнет всходить на западе. А то представьте себе, что ученому вдруг почудится призрак какого-то старика, который и станет уверять его, что ему тысяча лет и что он сам видел падение римской империи. Такого ученого пригласят разве для освидетельствования в лечебницу душевнобольных. Между тем как тут какая-то дама поднимается на воздух вместе со стулом, и семеро ученых объявляют о вероятном существовании каких-то новых сил природы, ускользавших от внимания мыслителей, от Галилея до Гельмгольца. Позволительно допустить, что эти семь ученых заранее верили в возможность спиритических чудес, и в таком случае не могли разоблачить фокусов медиума. Недаром один известный психиатр (Мейнерт), незадолго до своей смерти, сказал в одном ученом обществе: «да, суеверие эпидемично, и эта эпидемия стала так сильна, что даже профессора физиологии заражаются ею».

В виду таких явлений невольно ставишь себе вопрос: «куда мы идем?» Говорят, что мы живем в век просвещения, а в тоже время пытаемся вернуться к вере в духов. Эта «духовная» эпидемия проникает и в такой круг, от которого ей подобало бы ожидать сильнейшего отпора. Сами патентованные представители прогресса и просвещения поддаются её действию. Одной из роковых жертв этого заблуждения оказывается и выдающийся английский публицист, Вильям Стэд, известный издатель журнала «Review of Reviews», бывший главным редактором «Pall Mail Gazette». В европейской журналистике он стал чуть ли не самым страстным апостолом мистицизма. А уж если такой публицист, выдающийся и по уму, и по искренности, превращается в передового барана в стаде, то найдется не мало овец, которые запрыгают по следам его, и заклинанию духов широко раскроются двери в круг людей просвещенных.

Всего поразительнее в данном случае двойственность английского законодательства. Оно и здесь, по отношению к медиумизму, меряет богача и бедняка разной меркой. Какая-нибудь гадалка, которая за несколько пенсов предсказывает приятное влюбленным горничным, обещая исполнение всех их сердечных желаний, безжалостно осуждается на три месяца в тюрьму за невиннейшие прорицания. А элегантные дамы, промышленяющие таким же чародейством для элегантного круга, взимая не дешевле половины гиней за каждое предсказание, могут безнаказанно заниматься этим и даже трубить во всех газетах об успешности своего гешефта. Ими пускается в ход и гороскоп, и хиромантия. Кому нельзя лично прибыть к этим гадалкам, тот может послать им прядь волос, и гешефт, спекулирующий на суеверие, процветает отменно.

Новейшие заклинатели духов снимают сливки со всего. Ни один дух не остается пощажеными ими. Они вызывают из мертвых кого вам угодно, покоящихся вечным сном хоть тысячи лет назад. Александр Македонский, Юлий Цезарь, люди, перед которыми мир трепетал, поэты, начиная от Гомера до Тенисона, все они выходят, как послушные пудели, на зов самых игнорантных заурядных людишек. В Англии даже духовные лица верят в этих духов и в длиннейших статьях расписываются в своем легковерии. И все эти духи, являющиеся с того света, Шекспир и Мильтон, Гораций и Ювенал, оказываются самыми банальными и тривиальными существами, ибо болтают всякий вздор, каковым при жизни, наверное, не погрешали никогда.

В Лондоне теперь нет квартала, где не было бы медиума. За несколько шиллингов вы можете вступить в сношение с любым из покойников и видеть его дух. И Стэд перешел в разряд «верующих», а его редакционное бюро превратилось в настоящий приют для духов. Там его посетили уже Тенисон, Гете, Наполеон и целый ряд других великих и малых духов. У него есть свой лейб-дух, который, как лейб-камердинер, вводит к нему всякого покойника, по его приказанию.

Курьезнее всего, что неизвестно, принадлежит ли то, что теперь пишет Стэд, ему, Стэду, или духам. По его уверению, он может сделать свою правую руку совершенно невольной и предоставляет ее для писания духов. Он чувствует их близость, и невидимая сила водит его рукой. Он пишет и сам не знает именно, что такое он пишет. Но за то ясновидящие дамы, которые заседают вместе с Стэдом в Лондоне, всегда видят фигуры, которые водят его рукой, и сообщают ему, какая наружность у этих призраков и как они жестикулируют. Выходит, что отныне большая часть статей Стэда должна получаться с того света.

Во всяком случае, сам Стэд всегда писал умнее своих духов, но теперь он пресерьезно верует, что с помощью этих духов он достигнет наибольшего триумфа в журналистике и по части новостей превзойдет все другие газеты. Он утверждает даже, что путем передачи мыслей и с помощью своих специальных репортеров четвертого измерения может во всякую минуту узнать, что совершается в том или ином уголке мира. Все агентства Рейтера, Дальзиеля, Гаваса могут, значит, закрыть свои лавочки. Телеграфным линиям угрожает банкротство. Специальные корреспонденты не нужны. Стэд уверен, что вскоре он будет иметь возможность печатать такую газету, которая из часа в час будет приносить все последние известия со всех стран света, включая и торговые сведения, и при этом не заплатит ни гроша телеграфу. Остается неизвестным только одно, будут ли достоверны эти «телеграммы духов»?

\* \* \*

Пока Стэд соберется завести такую удивительную газету, настоящие затеи fin de siècle не заставляют себя ждать. Вот одна из таких затей – газета-телефон. Это нововведение народилось в Будапеште. Инициатива его принадлежит Теодору Бусказу, главному инженеру и директору компании телефонов в этом городе.

Общая идея затеи крайне проста и заключается в том, чтобы централизовать наиболее быстрым способом известия со всего мира и немедленно по телефону передавать их жителям венгерской столицы.

Вот каким образом Бусказ привел в исполнение свой план. В № 6 Magyarutea он поместил редакционное бюро, непосредственно соединенное телефоном с биржей, палатой депутатов, метеорологическим институтом, центральным справочным агентством и пр. В этом бюро у аппаратов дежурят стенографы, которые немедленно записывают получаемые ими свежие новости. Записи их передаются во второе бюро, где полученные известия редактируются по-венгерски и по-немецки, так как добрая часть столичного населения не владеет еще национальным языком.

Войдем в передаточное зало. Помещение узкое и стены обиты войлоком, чтобы, по возможности, изолировать аппараты от шума с улицы. За столом, над которым привешен записывающий микрофон, занимают места двое служащих. Один из них читает вслух перед аппаратом только-что сообщенный ему листок, затем второй повторяет те же известия по-немецки.

Для прочтения этого листка требуется около четверти часа; для обоих чтений, на венгерском и на немецком языках, чередующихся одно после другого, – час, по истечении которого доставляется новый листок. Справочное бюро открывается в девять часов утра и закрывается в девять часов вечера. Абонемент стоит всего 1½ флорина, т. е. около 1 р. 20 к. в месяц.

Абонент получает небольшой весьма несложный аппарат-приемник, помощью которого во всякое время дня он может быть au courant текущих событий всего мира.

Один журналист имел случай пользоваться в Будапеште этим новым аппаратом и свидетельствует, что передача им известий вполне ясная. Он узнал самые свежие новости того часа, в который находился у аппарата, а именно: поверхность воды в Дунае в то время только-что достигла 5,45 метра, граф Апоньи только-что произнес замечательную речь в палате депутатов; солнечные часы показывали ровно 10 час. 25 мин.; президент французского сената де-Роне объявил, что подает в отставку, по болезни.

\* \* \*

До сих пор ад считался антиподом не только неба, но и земного рая. Вообще признается, что радости, ожидающие в нем людей, скуднее даже тех, какие дарованы нам в земной юдоли скорби. Но английский богослов Миварт на этот счет иного мнения. Последнее напечатано в серьезнейшем английском журнале «Nineteenth Century», где он описывает прелести ада.

Выводы свои он основывает на сочинении достопочтенного мистера Оксенгэма «Catholic Eschatology and Universalism». Ад вовсе не страшное исправительное заведение для грешников; это – место, где сходятся души, не исповедовавшие истинной веры. В таком случае ад можно принять за приятное, счастливое местопребывание, превосходящее все наши самые смелые мечты о счастье, так что вся присущая человеку способность к счастью там может найти себе полное удовлетворение. И, – прибавляет мистер Миварт, – самый строгий католический богослов не может отрицать, что с этой точки зрения в аду обретается истинное и вечное счастье.

Для правоверного католического пастора такое мнение несомненно покажется поразительным. По Миварту, адское наказание заключается просто в лишении лицезрения Всевышнего, и те, кто не предвкушал этого чрезмерного блаженства, кому оно никогда не было даровано, не в состоянии измерить той утраты, какая постигает их.

Далее, по Миварту, ад рисуется такими мрачными красками исключительно вследствие человеческого бессилия изобразить идеал совершенства и счастья. Данте, напр., гораздо лучше удалось описать ад, нежели хоры серафимов. По народному представлению, ад – это только усиленная степень человеческих мучений. Чтобы изобразить абсолютное совершенство, безмятежное счастье, люди могли указать лишь на противоположное тому, что они видели сами.

Здесь, на земле, человек трудится неустанно, и вот там, на небесах, он должен отдыхать вечно. Здесь он борется за свои потребности, там борьба эта прекращается, ибо превращаются самые потребности, и в вечном блаженстве люди наслаждаются чистыми, духовными радостями. Здесь царят перемена и вечное движение вещей во времени и в пространстве, а там – постоянство, экстаз бесконечного благоговения. Народное представление об аде, по мнению Миварта, несовместимо с всеблагодатью Всевышнего.

Более глубокое понимание Св. Писания показывает, что ад точно также имеет свою «эволюцию», свою историю развития. Пребывание в нем стало сносным, для большинства даже весьма приятным. Каждый имеет надежду на постоянное улучшение своего положения и, действительно, участь каждого время от времени улучшается, хотя «небесного блаженства» избранных никто не достигает, ибо кто раз попал в ад, тот там уже и остается. «Что-же мешает нам принять, что, подобно тому, как окаянные устроили себе собственный ад собственными делами, так и здесь они находят известную гармонию с собственным духовным состоянием. Естественно, что в аду они встречают общество душ, одинаковых с ними склонностей, и несут свои цепи сообщи и охотно, так как любят деятельность и низменные желания, составившие их счастье и утешение на земле».

Миварт делит население ада на две группы. К первой, наиболее многочисленной, относятся умершие без крещения, начиная от каменного века до наших дней. Представители этой категории вполне счастливы, как и полагается на основании самой элементарной справедливости, «ибо Всевышний не может же подвергать хотя-бы самомалейшему наказанию людей за то, что от них не зависело».

В состав второй группы входят грешные христиане. Они уже не так счастливы. Но все-таки Миварт утверждает, что даже им в аду совсем не так скверно. На этом основании Миварт выводит из высказанных им положений довольно странное для христианского богослова заключение: в виду будущей жизни, по его мнению, лучше быть язычником, чем христианином.

Во всем этом удивительно не то, что в *fin de siècle* проповедуется такая дарвинистская теория ада, а именно то, что она излагается от имени богослова и находит себе место в видном и серьезном журнале. Не есть ли это только новое доказательство того, что Англия была и останется страной противоречий.

\* \* \*

В этой стране встречается не мало причуд. Возьмите любую английскую газету в руки и неожиданно вам попадет без всяких комментариев фраза: – «С добрым утром!»

Чего бы, кажется, безобиднее такого приветствия. А между тем, вы невольно спрашиваете: «что сей сон значит? Пошутить ли кто вздумал, или интриговать захотел кого-нибудь?» Таким образом, внимание ваше возбуждено, и цель оказывается достигнутой.

В отделе объявлений различных английских газет и самых почтенных журналов громадными буквами, чуть ли не в полстраницы, а также и по углам улиц красуется это «Good morning!» Когда оно успеет всем намозолить глаза, при нем появляется кратенькое добавление: «Have you used... 's soap?» И так, то была реклама мыльного фабриканта, который с материнской заботливостью осведомляется у публики, мылась ли она его мылом?

«Добрый вечер! Да, но я предпочитаю мыло такого-то...» появляется затем вдруг новый анонс.

Факты эти могут служить иллюстрацией того, каким образом коммерческие люди в Англии сорят деньгами на рекламы, или правильнее, – каким образом наживают они громадные состояния! Саморекламирование практикуется, конечно, и в других странах, но нигде

рекламное дело не производится с такими денежными затратами, как в Англии! Одна мыльная фабрика израсходовала на это в короткое время до четырех миллионов рублей.

Конечно, против объявлений вообще протестовать не приходится. С прекращением объявлений, пожалуй, тысячи людей остались бы без куска хлеба. Говорят, что без объявлений журналистика не могла бы существовать при современном своем развитии, так как эти объявления покрывают ей значительную часть её расходов, нередко не возмещаемых даже успешной подпиской.

Против газетных или журнальных объявлений ничего не возражает и газета «Times», с некоторых пор открывшая поход против «Advertising plaque». Правда, еще старая английская поговорка гласит: «Good wine needs no bush», т. е. доброе вино не нуждается в рекомендации. Иные же из гигантских реклам, очевидно, указывают также и на нечто совершенно обратное, т. е. Что «Good bush needs no wine». А между тем, еще покойный Барнум, этот король рекламы, сравнивал всякого, имеющего товары для продажи и не рекламирующего их, с кавалером, улыбающимся хорошенькой девушке в темноте. Как бы то ни было, все, так или иначе, готовы согласиться с тем, что объявление, даже реклама, – между ними трудно иногда установить разницу, – или афиша отнюдь не подлежат обязательному изгнанию. Интересно только, в какой форме и в каких размерах будут они предлагаться почтеннейшей публике. И вот тут-то сетования «Times'a» уместны вполне.

\* \* \*

Сетования эти прежде всего направляются против гигантски разрастающихся «плакатов», которыми сверху до низу оклеиваются высокие стены, а подчас и леса на постройках, и которые, по возможности, наиболее яркими красками и нередко режущими глаз иллюстрациями расхваливают то чудотворное лекарство, то новый порошок для чистки посуды. Даже выдающиеся актеры, – или, по крайней мере, те, которые желали бы считаться такими, – не прочь от того, чтобы их изображали таким же манером на стенах в человеческий рост, и даже больше того, предпочтительно в самых ужасных сценах, в каких они выступают на театральных подмостках, так что нередко одна страшная картина убийства чередуется с другой, изображающей стычки и взрывы. Больше всего кидаются в глаза эти плакатные чудовища на железнодорожных станциях. Едва успеваете вы подъехать к тому месту, где поезд замедляет свой ход, как можете быть уверены, что направо и налево, а нередко и в чистом поле – найдете воздвигнутую эту назойливую картинную галерею. Таким образом, до прибытия на станцию вам приходится как бы пройти сквозь строй, причем и по другой стороне вас ожидает бичевание теми же шпицрутенами, пока, наконец, поезд мало помалу не достигнет обычной скорости. Но и тогда еще вы не всегда бываете спасены от них. Если бы вам вздумалось, – говорит один очевидец, – на самых станциях прочесть название этих станций, – причем надо заметить, что в одном Лондоне слишком 200 железнодорожных станций, – то можете быть уверены, что все, что угодно, найдете раньше, чем нападете на название станции. «Brown's Soap» «Tones's Mustard» и «Robinson's Cocola», – все эти объявления лезут вам в глаза, некоторые десятками раз, и именно в тех местах, где прежде всего следовало бы рассчитывать встретить название станции. Наконец, если вы совсем не будете смотреть из окон вагонов, то и в таком случае плакатов вам не избежать, ибо, заполняя стены, пристроились они и в купе. В конно-железных дорогах и в omnibusах тоже самое: больше объявлений о театральных представлениях и чистильном порошке, о художественных выставках и сапожной ваксе, нежели о направлении и конечной цели данных поездов. Подобное безобразие проникло, конечно, и в другие города Европы, но в английской столице, при усиленном наплыве в нее иностранцев, при растянутой и запутанной сети её путей сообщения – это вдвойне неприятно.

Очевидно, настоящие герои рекламы несомненно задаются целью надоесть публике, елико возможно, лишь бы им удалось подсунуть ей несколько слов или иллюстраций. Но в конце концов и на земле им не хватает места. Они пускают по городу воздушные шары, чтоб с поднебесных высей осветить имя какого-нибудь фабриканта подтяжек или цену полдюжины носовых платков. Теперь еще завелась мода по ночам кидать на облачное небо огненные буквы, имеющие своим назначением рекомендовать вам тот или другой товар. Когда Гейне говорит, что он вырвет могучий ствол из мрачных еловых лесов Норвегии, окунет его в жерло Этны и таким гигантским пером, напоенным огнем, напишет на небесных облаках: «Агнеса, я люблю тебя», то это ни для кого не обременительно, так как надписью этой любоваться никто не обязан, кроме того, у кого оказалась потребность намалевать ее. Если же вам станут делать небесные объявления огненными буквами о том, что такой-то лондонский листок пользуется «largest circulation in the world» (самым широким распространением в мире), хотя это грубая ложь, ибо наибольшим распространением в мире пользуется известный маленький «Petit Journal» – или что мисс X из театра T считает пудру Z за лучшую, в таком случае придется обязательно хлопотать об учреждении общества охранения небес от таких безобразий.

Пример о пудре переносит нас в другую область рекламы, пользующуюся в Англии особым успехом, которую можно бы назвать двустольным анонсом, где прежде всего выхваляется публике назначенный на продажу товар, а затем также и «авторитет», согласившийся связать свое имя с рекламой. Иной фабрикант шоколада изображает принца Уэльского с супругой, распивающими его шоколад. Другие приплетают к рекламам медицинские авторитеты. Авторитетными судьями мыла, пудры и тысячи других туалетных принадлежностей выставляются примадонны сцены, кстати хвастающие своим прекрасным цветом лица. Но в этой категории реклам есть и такие, где покупателям навязываются мнения второстепенных артистов, что уже менее говорить в пользу товара. Но за то этот «puff» рекламирует одновременно и фабрикантов, и «авторитеты», так что в издержках по рекламе, вероятно, участвуют обе партии.

«Times» всячески старается найти средства для обуздания этих пошлых выходов законной рекламы. Предлагается, во-первых, обложить налогом все объявления, что и практикуется уже в некоторых государствах, а затем разрешать к выпуску, в виде рекламы, только такие иллюстрации, которые не противны эстетическому чувству. Некоторые из рекламирующихся фирм озаботились уже придать художественную физиономию своим плакатам. Одна из мыльных фабрик, особенно прославившаяся своими рекламами, заказала сэру Джону Миллэсу, одному из первоклассных живописцев Англии, написать известную картину, изображающую хорошенького мальчика, пускающего мыльные пузыри, и заплатила ему за нее тысячу фунтов стерлингов. В количестве ста тысяч экземпляров копия с этой картины распространилась по всему миру, с подписью имени фирмы. То же самое случилось и с подражанием известной статуе «Грязный мальчик, которого моет мать». Это художественное произведение, надевавшее столько шума на Парижской выставке 1878 года, было приобретено тою же фирмой за высокую цену.

\* \* \*

Из той же страны противоречий...

Несколько времени тому назад в вагоне третьего класса на одной шотландской станции найдена была корзинка. Нашедший, бедный поденщик, не расследовав содержимого корзинки, прямо передал ее начальнику маленькой станции. Тот вскрыл корзинку в присутствии рабочего. Каково же было удивление их обоих, когда они увидели там спящего ребенка, не более трех недель, завернутого в теплые одеяла. Начальник поспешно закрыл корзинку, объявив, что не может принять такую находку к себе, что жена его «объяснит это по-своему», что и без того она ревнует его, что он не может оставить ребенка даже до следующего утрен-

него поезда, в виду полного неумения нянчиться с детьми, как его собственного, так и бездетной его жены. Ребенок, пожалуй, еще умрет, прежде чем его отправят на главную станцию, и он, начальник станции, не желает, да и не может навязывать себе никакой ответственности и никаких хлопот и огорчений. Он предлагал нашедшему взять находку себе или же передаст ее полиции.

Бедный поденщик уныло чесал затылок, пробовал уговаривать начальника, наконец, осторожно поднял корзинку с словами:

– Не дам же погибнуть бедному брошенному червячку. На восьмерых детишек работаю, одним больше, одним меньше – не все ли равно. – И он двинулся с этой ношей в темную ночь через пустынное болото по направлению к своей хижине. Что-то скажет жена его? – думалось ему. У неё в это время был также грудной ребенок, а он тащил ей еще второго. Хороший подарок! Сердце у него ёкнуло. Но ведь что же ему было делать? Разве он, мог бросит ребенка на произвол судьбы? Разве он не знал доброго сердца своей жены? И он бодро зашагал вперед и скоро добрался до своей хижины.

Дети уже спали. Только жена сидела, в ожидании его, у печки, где горело несколько поленьев. Трепещущий свет их скользил по полу и по стенам, выкрашенным белой краской, и освещал комнату.

– Что ты там принес с рынка? – спросила жена, заметив корзинку под мышкой у мужа.

– Находку, – запинаясь отвечал муж.

– Находку?

– Да.

– Да где же ты ее нашел?

– В вагоне железной дороги. Эта корзинка стояла под скамьей.

– Джемс, – робко заметила жена, – тебе не следовало присваивать ее себе. Следовало передать ее начальнику станции.

– Я так и сделал, – возразил муж спокойно, – но он ничего знать не хотел об этой находке и заставил меня взять ее обратно.

– Ну, уж если тот отказался, значит, это что-нибудь отменное, – горячо воскликнула жена. – Что же это такое?

– Посмотри сама, – сказал Джемс, поставив корзинку к ногам своей жены. Она с любопытством откинула крышку, и при виде ребенка слегка вскрикнула, с оттенком удивления и досады. Она вскочила и сердито обратилась к мужу с словами:

– Да в уме ли ты притащить это домой? Кажется, довольно с нас и своих детей? Я не стану возиться с подкидышем.

– Что же мне было делать! – тихо проговорил Джемс, – мне стало жаль бедного, брошенного червяка.

Ребенок, очевидно, находившийся под влиянием сонных капель, все еще лежал неподвижно. Жена ни слова не ответила своему мужу, отерла свои глаза, взглянула на ребенка и опустилась на колени перед корзинкой. Красный отблеск пламени скользил по миловидному, зарумянившемуся от сна личику ребенка. Долго простояла она, не отрывая глаз от маленького сони. Затем вздохнула, и слезы тихо заструились по её щекам.

– Бедное дитя! – сорвалось с её уст. – Вытолкнутое на улицу! Какая бессердечная, бессовестная мать! Бедное дитя! Бедное дитя!

Она наклонилась, поцеловала малютку, который открыл при этом свои большие, красивые, голубые глазки и, молча, взглянул на нее. Жена поденщика еще раз поцеловала его, затем взяла на руки, села и приложила найденыша в своей груди, – брошенное дитя обрело новую мать.

Тут муж подошел в своей жене, поцеловал ее и при этом кинул взгляд на корзинку.

– Тут лежит какая-то записка, – заметил он и передал жене маленький листок бумаги, на котором дамским почерком написаны были следующие слова: «Кто сжалится над этим мальчиком, тот никогда не будет терпеть нужды».

– Дай-то Бог! Мы хорошо знакомы с нуждой! – сказала жена.

Муж снова вернулся в корзинке.

– Там лежат еще какие-то вещи! – проговорил он и вынул небольшое, но роскошное детское приданное. На дне корзинки нашел он кошелек с деньгами, в котором лежала вторая записка: «Тому, кто сжалится над ребенком!» и при записке тщательно сложенные ассигнации и золотые – всего же несколько сот фунтов стерлингов.

В эту ночь у Джемса и его жены о сне не было и помину. Доброе дело их было вознаграждено сторицей и оба они бодрствовали над маленьким принцем, как они называли дитя, по видимому ниспосланное им самим небом. На следующее утро Джемс отправился к пастору, по совету которого крестил ребенка на свое имя и записал себя и свою жену приемными родителями найденыша. Священник обязал Джемса ничего никому не рассказывать об этом деле, и Джемс действительно держал его в тайне. Тем не менее молва о счастливой находке распространилась и скоро дошла до начальника станции.

Услышав о том, какое сокровище обрел Джемс в корзинке, начальник немедленно побежал к поденщику и стал требовать обратно его находку. При своем бездетном супружестве он и его жена ничего-де более не желают, как усыновить ребенка; останься корзинка на станции, он, наверное, принял бы к себе ребенка; Джемс и права не имел взять ее; он подлежит наказанию за утайку и будет преследоваться судом. Джемс посмеялся над угрозами начальника станции так же, как и над его просьбами. Тогда начальник станции подал на Джемса жалобу в суд с требованием выдачи всей находки, включая и ребенка. Само собой разумеется, что внезапно полюбивший детей начальник станции получил отказ в своей жалобе. Но суд опубликовал эту замечательную историю, и все немедленно заинтересовались необычайным найденышем и его матерью. Но кто эта мать? Вопрос этот занимает в Лондоне всех, и судя по газетным намекам, ее надо искать в самых высших слоях английского общества.

\* \* \*

Из театральных новинок Парижа нельзя не отметить весьма любопытную пьесу бытового характера «Fipote» известного критика Жюля Леметра, иллюстрирующую закулисные нравы театрального мира, директоров, актеров и актрис, драматических авторов, газетных репортеров, ютящихся около театра. Флипот, мелкая парижская артистка, случайно заменив свою заболевшую соперницу Лидию, которой покровительствует сам директор театра, дебютировала с большим успехом на одной из бульварных сцен. Это – восходящая звезда, и она служит центром интересов этого особого мирка. В чем заключаются эти интересы и какова нравственная физиономия главных персонажей, показывает нижеследующая сцена – одна из наилучших в пьесе. При Флипот состоит тетка – девица Англошер, заменяющая ей мать. Эта девица, державшая раньше учебное заведение и получавшая академические премии за назидательные книги, исповедует ту теорию, что актрисе выходить замуж не подобает. А Флипот непременно хочет сделаться женой актера Леплюше, которого она любит и считает многообещающим дарованием, тогда как он просто бесталанное ничтожество и в нравственном отношении может быть назван Альфонсом сцены. Впрочем, и любовь Флипот оказывается не особенно прочной.

И так, к Флипот является директор театра Курбузон с целью заключить с ней контракт.

М-ше Англошер (заметив, что Курбузон окидывает маленькую гостиную взглядом комиссара-оценщика). Надеюсь, вы извините нас, г. директор, мы еще не устроились.

Курбузон. Конечно, конечно... быть может, вы удивляетесь, что видите меня у себя?.. Я шел мимо... и мне вздумалось подняться на верх и узнать, как вы себя чувствуете?.. Так, значит, это маленькое нездоровье не разыгралось ничем?..

Флипот. Решительно ничем, как видите.

Курбузон. Волнение, неизбежное при первом успехе... Ну уж и аплодировали же вам вчера вечером. Прочувствуйте хорошенько это удовольствие, малютка. Не сомневаюсь, что у вас будет еще много хороших вечеров. Но радость неожиданности завладения публикой, которая вас, так сказать, открывает и в восторге от своего открытия... этого никогда не повторяется, предупреждаю вас. Первый успех – это все равно что первая любовь... Теперь только надо позаботиться, чтобы и остаться на той же высоте... или, по крайней мере, делать вид, что вы не сходите с пьедестала... Это не так-то легко в нашем священном Париже. Сколько подобных репутаций на час промелькнуло на моих глазах!

М-Ше Англошер. Однако, и стараетесь же вы ободрить человека.

Курбузон. Предупредить на этот счет, значит – оказать услугу... (Замечая, что Флипот взволновалась и с трудом удерживает слезы). Это вас огорчает? бедняжка, ну, полноте! Да ведь все это я говорю вам по дружбе... Ну-же, улыбнитесь доброму директору!.. и не расстраивайте себе печени в данный момент... У вас будет возможность немножечко отдохнуть. Лидия написала мне сегодня, что сегодня же вечером снова выступает в своей роли.

Флипот. Лидия опять выступает в моей роли... сегодня вечером?

Курбузон. Это её право.

Флипот. Но это подлость! Ведь она только пять минут тому назад писала мне совсем другое.

Курбузон. Нет! (Смеется). Ну я узнаю ее в этом.

Флипот. Вас это только забавляет?

Курбузон. Да, как состязание женщин, это не дурно... Хотите, я дам вам совет? Отнеситесь к этому с легким сердцем. Скажите себе, что Лидия дорого-бы дала, чтобы быть на вашем месте. Все козыри у вас теперь на руках. Мы устроим вам отменное положение. В самом деле, раз уже мы с вами тут с глазу на глаз, давайте-ка поговорим о серьезных делах? Срок настоящего вашего ангажемента истекает уже через четыре месяца. Я полагал, что вы дружески предложите мне уничтожить его. Так и сделаем. Я сам иду к вам на встречу, так как живо интересуюсь вами.

Флипот. Что же вы мне предлагаете?

Курбузон. Мы сейчас к этому вернемся... Я вступил в соглашение с Монтрие. Я ставлю одну его вещь после «la Fille a Marcassin». У вас будет очень хорошенькая роль.

Флипот. Первая роль?

Курбузон. Конечно.

Флипот. Лидия будет участвовать в пьесе?

Курбузон. Ну, разумеется...

Флипот. В таком случае я отказываюсь.

Курбузон. Почему?

Флипот. После её поступка...

М-Ше Англошер. Да не говори же глупостей.

Флипот. Какая же у неё будет роль?

Курбузон. Другая главная женская роль, их там две.

Флипот. Такая же большая роль, как моя?

Курбузон. Ну, знаете, строк я не считал.

Флипот. Я очень рада с ней играть! Ведь я уступчива. Но я не желаю собой жертвовать ради неё; это было-бы слишком глупо! Я имела больше успеха в той роли, в которой заменяла

ее; будущность за мной; я поднимаюсь как раз в то время, когда она идет под гору; мне девятнадцать лет...

Курбузон. Pardon, малюточка, двадцать два.

Флипот. А ей, по крайней мере, сорок пять.

Курбузон. Нет, сорок один, и она еще очень мила, это неоспоримо. И притом это старая слава. Публика к ней привыкла. Ее хватит еще на пять-на шесть лет, прежде чем заметят, что она утратила свою прелесть... Да что рассуждать на этот счет. Или принимайте, или отказывайтесь.

М-ше Англошер. Мы принимаем, г. директор.

Курбузон. Теперь остается вопрос об условиях. Буду говорить без обиняков. Вы получите шестьсот в месяц и по десять разовых. Надеюсь, это удовлетворит вас? И нам только останется подписать.

Флипот. Вы шутите, не правда-ли?

Курбузон. Но...

М-ше Англошер. Послушайте, monsieur Курбузон. Вы поступаете положительно не хорошо. Я уж и то говорила себе: не даром он так любезничает и решился потревожить себя, чтобы проведать Флипот. Теперь я понимаю, зачем вы пришли. Видя, что Флипот занимает весьма скромную маленькую квартирку и живет честной девушкой, и что некому защитить ее, вы полагаете, что ее можно скрутить сразу... Нет, этому не бывать! Я тетка её, тут на лицо. Мы не одолжения какого добиваемся, и вы не милость какую нам оказываете. Это просто общее наше дело, – и вы первый посмеялись бы над нами, уходя отсюда.

Курбузон. Допустим! Чего же вы желаете? Назовите какую-нибудь цифру.

Флипот. Шестьдесят тысяч...

М-ше Англошер. Сделай мне удовольствие, помолчи. (Курбузону). Я требую две тысячи в месяц и двадцать пять разовых.

Курбузон. Mademoiselle Англошер... mademoiselle Флипот... честь имею откланяться. (Он уходит. – Молчание).

Флипот. Однако, тетя, надо его вернуть.

М-ше Англошер. Оставь пожалуйста. (Курбузон возвращается). Ты видишь!

Курбузон (м-ше Англошер). Я готов сделать глупость... Конечно, я поступаю опрометчиво, но я вижу, что вы так настойчивы. Тысячу в месяц и двести разовых.

М-ше Англошер. Нет, господин директор.

Курбузон. Нет?

М-ше Англошер. Предлагаю вам компромисс. Полторы тысячи в месяц и пятьдесят разовых. Это приблизительно выйдет то же самое, что я давеча спросила у вас, но за то у вас будет та выгода, что вы заплатите ей менее, если она будет реже играть. Это мое последнее слово. Я не хуже вас понимаю рыночную цену Флипот и, в свою очередь, говорю вам: принимайте или отказывайтесь.

Курбузон. Mademoiselle Англошер, вы тверже меня. Вы меня подводите, но вы мне нравитесь... Полторы тысячи и пятьдесят разовых, идет... Ангажемент на пять лет?

М-ше Англошер. Нет, г. директор. Флипот весьма легко может сделаться звездой первой величины гораздо ранее пяти лет. Тогда она стала бы оплачиваться менее своей стоимости. Ангажемент на один год, если вы согласны.

Курбузон. Чтобы она бросила меня в конце этого года и отправилась делать сборы какому-нибудь другому театру той самой репутацией и успехами, каких она достигнет в моем.

М-ше Англошер. Это основательно. Положим два года.

Курбузон. Четыре...

М-ше Англошер. Два.

Курбузон. Да будет по-вашему. Мы положим сто тысяч неустойки, не так-ли?

М-Не Англошер. Нет, г. директор.

Курбузон. Почему-же? Значительность неустойки служит лучшей гарантией для обеих сторон и притом это – честь, воздаваемая таланту артиста... Я достаточно дорожу m-Не Флипот, чтобы...

М-Не Англошер. Несоразмерная неустойка существует лишь к тому, чтобы дать возможность директору обращаться с своими артистами как с неграми и, при случае, эксплуатировать их легкомыслием, на которое ему очень легко подбить их... Неустойка в пятьдесят тысяч кажется вполне достаточна.

Курбузон. Mademoiselle Англошер, я, конечно, сделал ошибку, завернув к вам. Я много бы выиграл, просто пригласив Флипот в свой кабинет. Наконец...

М-Не Англошер. Вы вернете свое на какой-нибудь другой.

Курбузон. Надеюсь... Ну что же, все в порядке?

Флипот. А красная строка? У меня будет красная строка?

Курбузон. Само собой разумеется.

Флипот. В заголовке афиши?

Курбузон. Нет, после Лидии.

Флипот. Тогда на той же строке.

Курбузон. Это мы увидим.

Флипот. Я желаю быть на той же строке. Я охотно соглашаюсь быть после Лидии, так как она старше меня, но никак ее под нею.

М-Не Англошер. Боже мой, как ты меня раздражаешь, Флипот.

Флипот. Ах, вот еще вопрос о туалетах.

Курбузон. Это вопрос, улаженный заранее. Вы запасетесь городскими туалетами, по обыкновению.

Флипот. Это, любезнейший г. директор, хорошо кокеткам. А честной девушке, которой приходится рассчитывать только на себя самоё, – как вы хотите, чтобы с двадцатью пятью или тридцатью несчастными тысячами франков...

Курбузон. Но, милый друг, я вовсе не обязываю своих артисток быть честными... Впрочем, я не обязываю их и справлять свадьбы... Все это меня не касается.

М-Не Англошер. Ну, сделайте доброе дело. Заплатите ей за половину её туалетов.

Курбузон. Нет, уж это ни за что!.. На этот счет у меня самые строгие принципы... И притом я уже довольно уступал в других пунктах. Повторим вкратце: полторы тысячи и пятьдесят разовых, ангажемент на два года, пятьдесят тысяч неустойки. Завтра мы подпишем. Флипот, я вас буду ожидать в театре, в пять часов. Полагаю, что мы все переговорили. (Прощаясь). Mesdames... (Он подходит к двери).

Флипот. Pardon. А Эммль?

Курбузон (возвращаясь). Какой Эниль?

Флипот. Г. Леплюше. (Вкрадчиво). Милейший г. директор, вы должны мне отдать справедливость, что я была очень любезна, совсем не требовательна... Ну, а теперь вы, в свою очередь, доставите мне большое удовольствие, увеличив оклад Леплюше.

Курбузон. Вот уж этого бы мне и в голову не пришло... С чего это, черт возьми, вздумалось вам, чтобы я прибавлял Леплюше?

Флипот. С того, что я выхожу за него замуж.

Курбузон. Вы выходите замуж... (Обращаясь к m-Не Англошер). Она выходит замуж за Леплюше?

М-Не Англошер. Увы!

Курбузон. И вы допускаете это?

М-Не Англошер. Я отказалась от борьбы. По-видимому, тут любовь, настоящая, которая людей превращает в идиотов.

Курбузон. Леплюше? Нет, это безумие! (Обращаясь к Флипот). И не только потому, что у Леплюше нет никакой будущности и что это для вас плохая афера, но и потому, что это и мне не под стать, по той же причине. Я совсем не гонюсь за тем, чтобы держать в своей труппе замужних актрис. Это отдаляет от тех, которые создают успех театра, подобного моему.... Я не желаю быть осужденным на лицезрение этого молокососа вечно при ваших юбках. Искренно клянусь вам, что если бы я заранее предвидел Леплюше... Впрочем, есть еще время помешать вам сделать глупость. Если вы выходите замуж за Леплюше, все уничтожается, ангажемент не может тогда состояться... Согласны?

Флипот (плачет уже несколько минут, сквозь слезы). Я люблю его...

Курбузон. Это не резон!

Флипот (также). Конечно, это резон.

М-ше Англошер (обращаясь к Курбузон). Оставьте ее. Это ненадолго!

Курбузон. Знаете-ли, я просто не могу прийти в себя от удивления? Послушайте, Флипот, вы глупы, дитя мое, но, честное слово, вы меня трогаете. Сколько получает этот ваш Леплюше. Тысячу двести? Ну, я дам ему тысячу восемьсот. Вы видите, что я, с своей стороны, стараюсь...

Флипот. Тысячу восемьсот? Ему?.. Да нет-же, милейший г. директор, поймите, что у этого юноши есть собственное достоинство и что я сама была бы стеснена таким неравенством ваших положений.... Обращаюсь к вашему такту.... Конечно, я не прошу вас дать ему столько же, сколько мне....

Курбузон. Напрасно стесняетесь.

Флипот. Я не прошу вас о том, хотя и убеждена, что со временем у него будет громадный талант, за это я вам ручаюсь, не правда-ли? Тут я понимаю кое-что... По крайней мере, устройте ему сносное положение, за которое ему не пришлось бы краснеть перед своей женой и подумайте, что Леплюше....

Курбузон (раздраженно). Леплюше чижик! Я ему не дам ни единого су и при первом случае вытолкаю его за дверь, этого Леплюше! Ясно? (Снова поднимается).

Флипот (опять принимаясь всхлипывать). Боже! как я несчастна!

(В ответ на умоляющее движение тетки Курбузон опять возвращается).

Курбузон. Нет, я не могу так уйти.... она положительно обезоруживает меня.... Утешьтесь, Флипот, мне пришла мысль.... Вы хотите, чтобы Леплюше прибавлено было жалованья? Так прибавьте ему сами.

Флипот (не переставая плакать). Каким же это образом?

Курбузон. Очень просто. Я предложу ему ангажемент на пять – на шесть тысяч – цифра для меня безразлична – которые я обязан буду взять из своей кассы, но которые вы примете в уплату вашего жалованья. Таким образом и уладится все.

Флипот. А как-же мое жалованье, по-прежнему будет полторы тысячи и пятьдесят разовых.

Курбузон. На бумаге, да.... вам придется только дать мне маленькую контр-росписку.

Флипот. Тетя, кажется, так можно устроиться?

М-ше Англошер. Ну и устраивайся, дитя мое.

Курбузон. И так, мадам Леплюше, будьте любезны сами назначить оклад вашего супруга. Пять тысяч? Восемь тысяч? Десять тысяч?

Флипот. Пяти тысяч довольно, не правда-ли, тетя?

М-ше Англошер. Предоставляю тебе решить, дитя мое.

Флипот. Да, так довольно, пятьсот в месяц.

М-ше Англошер. На один год!

Курбузон. Решено.

Флипот. Решено.

Курбузон. И так, до завтра! Все будет готово. Постарайтесь только прийти раньше Леплюше.

Флипот. Ах, милейший г. директор, как я вам благодарна...

Курбузон. Право, не за что. (Уходит).

Флипот выходит замуж за своего товарища Леплюше. Она любит его до тех пор, пока чувствует свое превосходство над ним. Но случается так, что Леплюше, играя роль кретина, имеет успех в одной пьесе, где ее самое принимают дурно. Любовь Флипот не переживает этого оскорбления для «*jealousie de métier*»; супруги расходятся. Супругу возвращается его независимость, а супругу принимает дворец, предложенный ей бароном des Oeilletes, её поклонником, которому покровительствует добродетельная тетюшка артистки. Таков финал комедии, согласный с особенной логикой, управляющей театральными нравами и закулисным миром...

## 2

Современные попытки совершенствовать душу. – Нравственное движение в Германии и «общества нравственной культуры». – Книга против нравственных учений. – Новейшие моды в философии. – Макс Штирнер и его сочинение «Индивидуум и его права». – Разрушительность Гегелевского анализа. – Апология эгоизма и личных интересов. – «Вселенная, это – я!». – Историческое значение метафизических доктрин Штирнера. – Анархизм и диктатура. – Учение Ницше о «желании властвовать». – Биография Ницше и новейшие сведения о душевной болезни его. – Аристократический взгляд на историческое развитие человечества. – Две морали – для титанов и пигмеев. – Вред демократизма. – «Высший человек» и его заповеди. – Ницше, Шопенгауер и Ренан. – Французский роман, основанный на философской системе кулачного права аристократизма. – Колония холостяков в Америке. – Неожиданная разгадка истории одной таинственно погибшей счастливой четы в Англии – благодарный материал для страшной драмы или ужасного романа.

Современное цивилизованное человечество видимо усердно старается совершенствовать не только свои учреждения общественные, но и свою душу, свою совесть, свою внутреннюю жизнь. Во Франции рядом с пессимизмом и атеизмом народилось мистическое влечение в религиозности и ведется пропаганда нравственных идей. В Англии агитируют в пользу «внутреннего христианства», которое разъясняется в массе брошюр назидательного содержания, расходящихся сотнями тысяч. Из Соединенных Штатов, страны, которую европейцы привыкли считать родиной самой беспощадной борьбы за существование, ареной погони за наживой, переносятся в Европу проекты чисто идеального характера. Именно в Америке было положено начало «обществам нравственной культуры», долженствующим содействовать обновлению современной души и протестовать против девиза новейшего эпикурейства: «презирайте ближнего как себя самого». В последнее время это движение перешло и в Германию.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.